Глава 19

— Хм, — сказала Симоль. — Выглядит не очень хорошо.

— Это как бы очевидно, — сказал Даво. Он засунул руки в карманы и прислонился к стене рядом с тлеющим камином. — Парень валяется в постели, и у него из всех щелей выходит арканум. Вряд ли такое состояние можно назвать здоровым.

— Я не это имею в виду. В тебя не может чисто случайно попасть такое количество арканума. Он не запрыгнет в твоё тело только потому, что ты будешь прогуливаться рядом с ним.

— И? — Даво оттолкнулся от стены и выпрямился, вытащив руки из карманов, его лицо было напряженно. — Что это значит? Как он оказался заполнен им по самую макушку?

— Кто-то влил его в него, — сказала Симоль. — Я не думаю, что это была случайность.

— Но он ведь поправится, — сказал Фанни. — Правда ведь?

— Да, — ответил Даво. — Конечно. Может быть.

— Я думаю, что мистер Теннер может многое об этом рассказать. Я могла бы поговорить с ним.

— Послушай, — сказал Даво, — нам действительно нужно усугублять ситуацию сильнее, чем она есть? Что бы ни произошло, я сомневаюсь, что ворошение этого осиного гнезда даст что-нибудь отличное от прискорбных результатов.

Симоль задумчиво кивнула.

— Да. Ты прав.

— Прав? — спросил Даво, удивлённый лёгкостью его успеха.

— Прав? — спросил Фанни по тем же причинам.

— Да. Вы не должны лезть в это. Следите за Ником или кем бы он ни был.

— О чём это ты? — сказал Даво. — Ты думаешь, что это не Ник?

— А кто тогда? — спросил Фанни.

— Я не говорю, что это не он, я просто не уверена. Большая доза арканума может не только убивать людей, но и укрывать их от посторонних глаз. Я не могу заглянуть в голову Ника, чтобы понять, действительно ли это он. Или то, что он находится там один.

— Ты и такое можешь? — спросил Фанни, краснея. — Ты можешь заглядывать в головы людей? Можешь читать их мысли?

— Нет, — сказала Симоль. — Я вам не из цирка уродов. Но я чувствую присутствие. Люди обычно… ощущаются определённым образом. Я не знаю, как это объяснить.

— Но это всё догадки и предположения, не так ли? — сказал Даво. — Ты не уверена на все сто.

— Нет, не уверена, — призналась Симоль, слегка пожав плечами. — Но у меня достаточно подозрений, чтобы оправдать визит в Пагоду и посмотреть, что там происходит.

Оба мальчика отреагировали с испугом.

— Эй-эй, — сказал Даво, — никто и слова не сказал о том, чтобы вламываться в Пагоду.

— А как ещё мы узнаем, что случилось с Ником?

— Не знаю, — сказал Даво, поднимая руки. — Подождём, пока ему не станет лучше, и спросим у него самого?

Симоль покачала головой и посмотрела в сторону. Общие заботы собрали их вместе, но теперь она сожалела о том, что не держалась в сторонке. Она не привыкла так взаимодействовать с людьми. Их беспокойство раздражало, но в то же время было до странного привлекательным.

— У него, вероятно, идей ещё меньше, чем у нас. Он сам не в себе. Не знает, где он, или кто он. Если мы хотим помочь ему, нам нужно узнать, в чём состоит угроза. Поверьте мне, меня обучали именно для этого.

— Что это значит? — спросил Даво.

— Зачем тебя учили находить угрозы? — спросил Фанни. — Ты что-то вроде работающего на правительство убийцы?

— Нет, — ответила Симоль. Оба мальчика выглядели неубеждёнными. — Это не важно. Первое, что нужно сделать, — это проверить Пагоду.

— Разведка, — сказал Фанни.

— Верно, — сказала Симоль. — Осмотреться и уйти, да так, чтобы Теннер не узнал, что я когда-либо там была.

— Было бы всё так просто, — сказал Даво. — Ты не подумала, что Теннер мог наглухо запереться в Пагоде?

— Разве мы не можем кому-нибудь рассказать о Теннере? — спросил Фанни.

Даво покачал головой из стороны в сторону.

— Я даже не знаю, в чём мы его обвиняем. А в чём именно мы его обвиняем?

Симоль пожала плечами.

— Это я и хочу узнать. Не волнуйтесь, я уверена, что смогу попасть в Пагоду без особых проблем.

— Именно это меня и беспокоит. Я знаю, что твои способности сверх нормы, но твоя затея всё равно невероятно рискованна. Очень близка к «безрассудна». Много что может пойти не так. Очень много. Сейчас далеко не то время, чтобы разбрасываться своей подготовкой по оценке рисков, но на чисто практическом уровне, то, что ты сейчас предлагаешь, имеет технический термин — сумасшествие.

— Сумасшествие, — согласился Фанни.

— Я понимаю, почему ты так думаешь, но это не так уж безумно. Я могу постоять за себя, когда противник — кто-то вроде Теннера.

— Как ты здесь оказалась, Симоль? — спросил Даво, раздражённый настолько упрямым игнорированием здравого смысла. — Кто-то вроде тебя не должен учиться в одной школе с обычными детьми.

— Они не обычные дети, — заметила Симоль.

— Нет. Но здесь нет никого, похожего на тебя.

— К счастью для тебя.

Даво нахмурился.

— Я уверен, вам с Ником нравится хранить ваши секреты.

— Иногда это лучший способ защитить людей.

— Ага, а иногда это способ избежать того, что люди скажут, какой же ты придурок.

— Со мной всё будет в порядке. Я знаю, что делаю.

Даво и Фанни переглянулись и вздрогнули в унисон. Симоль щёлкнула пальцем в сторону камина, и огонь в нём ожил.

Мальчики больше не пытались её отговорить, но она знала, что они оба не одобряли её план. Дело было в зловещей природе Пагоды и состоянии, в котором находился Ник. Он был в бреду и, по словам доктора, ему повезло, что он вообще выжил. Что бы Теннер ни сделал, оно явно нехорошо сказалось на его здоровье.

Насчёт осторожности они были правы, но Симоль не была обычным учеником, когда дело доходило до такой ситуации. Её отец готовил её именно для такого, неопределённого типа угроз. Она знала признаки и оценивала риски. Ей также трудно было избавиться от чувства, что здесь замешано нечто большее, нежели вывести из строя многообещающего ученика, которого не любила школа. Её научили верить этим инстинктам.

— Я быстро вернусь, это не должно занять много времени, — сказала она.

— А если ты не вернёшься? — спросил Даво.

— Тогда что бы вы ни делали, не приходите меня искать.

Оба мальчика кивнули.

Она вылезла через окно своей спальни. Было темно и рядом с коттеджем никого не было, но она подумала, что лучше будет не выходить через парадную дверь. Когда её ноги коснулись сухой, колючей травы, которая росла вокруг коттеджа, покров тьмы накрыл её.

Это покров был виден только тем, кто способен узреть арканум в его физической форме. Любой, кто обладает острыми глазами и поставит себе цель, увидел бы, как она стоит в молочном свете полумесяца, но немногие догадались бы внимательно смотреть. Арканум уводил прочь любопытные взгляды, позволяя смотреть мимо и вокруг девушки, но не давая понять, что она ходит прямо среди людей.

Это было простое заклинание, и для его поддержания не требовалась большая концентрация. Энергичный поиск опытных магов быстро раскроет её, но даже её отцу, который и научил её

этому заклинанию, будет непросто заметить её, если он не поставит себе эту цель.

Многие из тех учителей, у которых, как она знала, есть магические способности, были очень далеки от её обнаружения. И Секретная служба, которая использовала устройства для усиления их скудных способностей, должна будет создать сеть перехватчиков и искать её с помощью триангуляции, а затем уповать на удачу.

Цель её обучения, начавшегося ещё в детстве, состояла в том, чтобы подготовить её к таким миссиям, хотя её отец вряд ли ожидал, что она будет проводить их так далеко от дома или так далеко от него.

Она прошла через кампус, трепеща от возбуждения. То, что она воспользуется своими способностями ради того, к чему её готовили, — несмотря на то, что она часто возмущалась беспощадным обучением, — дало ей ощущение цели в жизни. У неё есть задача, назначение, и она будет использовать свои навыки для выполнения этой задачи. Эта мысль радовала её.

Это было странно, потому что именно это она ненавидела в её воспитании. Отец часто называл её девушкой с определённой целью, но из его уст слова звучали как клетка вокруг неё. Дело не в том, что она не хотела цели в жизни, просто она не хотела, чтобы эту цель он выбрал за неё.

Кампус был более или менее пустынным. Она увидела пару школьных рабочих, которые мчались по каким-то делам. Она проигнорировала их, и они не подозревали, что она здесь.

Ночная птица издавала трели и знала о существовании девушки не больше, чем носильщики. Что-то маленькое вскрикнуло в кустах слева от неё, и крылья бились в течение секунды, прежде чем вернулась тишина.

Через несколько минут она подошла к библиотеке и направилась за неё. Пагода, казалось, вставала перед ней из ниоткуда и в то же время создавала впечатление, что она всегда была там, ожидая её.

Она поспешила через небольшую открытую местность к Пагоде и деревьям, что толпились вокруг её основания. Немного листьев ещё оставались на ветвях, которые образовывали круг тёмных пальцев, разделённых узкой тропинкой.

Изнутри не исходило ни звука, ни света, ни какого-либо движения. Она остановилась у двери и положила руку на её гладкую, холодную поверхность. Она не была похожа ни на одну дверь, которую она прежде видела или касалась. Ручки и петель не было. Она запросто могла быть простым чёрным квадратом, нарисованным на стене.

Симоль закрыла глаза и позволила нервам на кончиках пальцев войти в холодный металл, позволила металлу войти в неё. Она почувствовала, насколько толста дверь, как она висела на штифтах на обратной стороне и рычаге, который соединял их. Она позволила своему разуму пойти дальше. Пустота Пагоды поразила её. Она была почти полностью полой, лишь ствол по

центру спускался вниз. Она двигалась вниз всё ниже и ниже, что, по ощущениям, длилось вечность. Она определённо спустилась глубже, чем ожидала. Но вглубь опускался не только ствол, но и стены Пагоды. Пагода была буквально вставлена в землю, и видимая часть была верхушкой гораздо большего сооружения. И чем глубже, тем твёрже было содержимое. Оно обладало пронзительной твёрдостью, ошеломившей её мысли и сбивающей концентрацию.

Симоль покачала головой, словно просыпаясь от незапланированного сна. Что бы там, внизу, ни было, это было не просто несколько комнат с лабораторным оборудованием.

Она очистила разум и потянулась к штифтам кончиками пальцев. Её рука выглядела как прежде, но она чувствовала, что её пальцы проникают внутрь двери. Ослабление и поднятие штифтов из их гнёзд было простой задачей. Позади неё последний лист пожух и упал с ветви, присоединившись к разбросанным братьям и сёстрам. Дверь открылась вовнутрь, не издав ни звука.

Симоль не двигалась и вслушивалась. Ветер за её спиной утих, птицы замолкли. Она вошла и закрыла дверь. Она закрылась легко и тихо.

Тьма внутри прерывалась проблесками света, просачивающегося сквозь щели в стенах Пагоды. Светло здесь не было, просто темнота была менее интенсивной; света хватало лишь на то, чтобы были видны очертания предметов.

Ничто не двигалось в этом пустом месте, ни один мужчина, женщина или насекомое. Симоль направилась к лестнице, осторожно, стараясь не издавать ни звука и вызывать как можно меньшие возмущения воздуха. Она шла так, чтобы даже пыль на земле не выдала её пребывания здесь.

По мере спуска лестница то сужалась, то становилась шире. Арканума в воздухе становилось всё больше, из-за чего стало труднее мыслить ясно; её ощущения и чувства были загнаны внутрь неё. Она медленно и очень слабо коснулась стены пальцами левой руки. Своей кожей она почувствовала выпуклый рельеф. Эхом раздались голоса, ссорившиеся где-то внизу.

На ближайших ступеньках показалось пламя, колеблющееся в канделябрах и показавшее ей, что спираль лестницы заканчивается впереди неё. Внизу была небольшая комната, пустая, за исключением простого стола и деревянной двери в дальнем конце.

У двери была простая щеколда и ручка. Она заскрипела, когда девушка открыла её, царапая землю. За ней находился туннель с множеством дверей. Она шла на звук голосов, приглушенных и невнятных, — вполне могло быть, что это один человек спорил с самим собой, — и они замолкли, когда она подошла к последней двери.

Она наклонилась вперёд, чтобы услышать лучше.

— Ты можешь войти, — сказал высокий голос, который мог быть как мужским, так и женским.

Симоль застыла, не зная, обратился ли голос к ней. Она предположила, что да, но будет довольно неловко, если её догадка окажется неверной. Она продолжила стоять по эту сторону закрытой двери.

Дверь открылась, и показался мистер Теннер. Он смотрел прямо сквозь неё. Затем его зрачки расширились, словно приспосабливаясь к темноте, и, наконец, он увидел, что она стоит прямо перед ним.

— Симоль! Ты добралась. — Он улыбнулся, как хозяин, приветствующий ожидаемого гостя. — Заходи, заходи.

Она не боялась его, но была недовольна тем, что так быстро лишилась своей маскировки. Она могла немедленно отступить и даже на секунду подумала так и сделать, но только на секунду. Теннер отошёл в сторону, и она вошла в маленькую комнату с горящим очагом.

В большом кресле сидел мужчина. Он был величавым, престарелым и хорошо одет. И в то же самое время он не был таким.

— Это профессор Веристотель, — сказал Теннер. — Старый друг.

Возник импульс пасть на колени, которому она сопротивлялась. Её тело выкручивало, но это лишь заставило её бороться ещё яростнее.

— Я не Веристотель, — сказал мужчина, который не был мужчиной. Его голос был мягким. — Я… — Он использовал слова, которые она никогда раньше не слышала. Они вошли в её сознание и поселились там, как курица, сидящая на яйцах. Это не было неприятно, но быстро стало трудно дышать. Она не могла перестать слушать.

Смятение в её разуме утихло, и она почувствовала воодушевление. Это сделали слова. Она заставила свои руки прикрыть уши, но это ничего не изменило: слова попадали в неё не через уши.

Поток слов не прекращался, но акта неповиновения хватило, чтобы прервать заклинание, хотя бы на мгновение. Затем она увидела истинную форму мужчины. Она увидела женщину, наклонившуюся вперёд и обнажённую, и её маленькая грудь свисала словно пустая. Она была лысая, а кожа её покрыта шрамами. Суставы казались опухшими, а конечности тонкие, как веточки. Бледные глаза посмотрели на неё.

— Ты хорошо сопротивляешься, — сказал демон, кем, как знала Симоль, была эта женщина.

— Почему ты здесь? — спросила она.

Она должна была испугаться, её отец рассказывал ей, на что способны эти существа, что они

готовы сделать, если поймают на лжи или неправде. Но любопытство пересилило её страх.

— Я скажу тебе, дитя дракона. Ничего не изменится, расскажу я тебе или нет. Ты не сможешь предотвратить то, что случится. Но я хочу узнать от тебя о некоторых вещах, и будет правильно, если я предложу тебе то же взамен.

— Старая Мать, — сказал встревоженный Теннер, — эта девушка недостойна.

Демон поднял иссохшую руку.

— От этого дитя несёт драконьим навозом, которого я не чуял столетиями. Это приносит радость моим чувствам. Она гораздо более достойна, чем ты думаешь, волшебник.

— Раньше я чистила стойла, — сказала Симоль, хотя к ней не обращались.

— Это большая честь, безусловно. Какой позор, что драконы, которые есть у вас, так слабы и немощны. Ты когда-нибудь видела теневого дракона? Нет, конечно нет. Славные тёмные звери, правившие небесами. Один из них стоил четырёх ваших, и всё же Великая война была проиграна. Один стоил четырёх, но вы приводили пятерых. Численность — вот в чём было ваше преимущество, а у нас была сила, пока вы не украли её у нас. Ты знаешь истинную историю Ранвара? — спросил демон.

— Разве не все верят, что их версия истории — истинная? — спросила Симоль в ответ.

— В этом есть толика правды, но моя правда не попала ко мне из других уст. Я пережила её.

— Сомневаюсь, что это имеет значение.

Демон улыбнулся.

— Ты уверена в себе. Ты думаешь, что знаешь достаточно, но ты знаешь слишком мало, чтобы знать, чего должна бояться.

— Да, — сказала Симоль. — Вот так меня и взрастили.

— Я вспоминаю первые дни королевства Ранвар, когда оно было не более чем горой, окружённой более могущественными врагами. Кровь текла рекой, когда люди сражались за гору, ибо рудники вели к её сердцу. Они вырыли их ради арканума.

— Они добывали арканум в рудниках? — спросил Теннер. — Арканум был минералом?

— Ты удивлён, волшебник? Ты думал, что он рос на деревьях? Это была уродливая скала, которая находилась в недрах одной единственной горы. И она осталась бы там, если бы не трое мерзких людишек, заключивших сделку, которую отказались выполнять. Простой холм был преобразован в империю. И какова была наша награда за этот великий дар? Изгнание.

— Но вы проиграли Великую войну, — сказала Симоль. — Это же было поражение, а не изгнание. — До этого момента она не слышала ни единого упоминания о какой-либо Великой войне, но она не сомневалась, что она была, и недовольство до сих пор жило.

— Да, — сказал демон. — Война была проиграна. Но не битва. Это то, что я помню. А что помнишь ты?

Симоль вспомнила.

Солнце сияло сквозь высокие узкие окна в Старом зале. Симоль сидела за длинным столом, за которым когда-то сидели короли и королевы, но сейчас на него накрывали лишь двум людям некоролевских кровей.

Замок был ужасно холодным и насквозь продуваемым. Солнце танцевало вокруг с одной стороны на другую, и Симоль приходилось постоянно переходить из комнаты в комнату, чтобы поймать нежно тёплые лучи на своё лицо.

У тех, кто построил это уродство на вершине горы, по артериям должен течь огонь, чтобы выдержать бесконечный холод. Воздух был разреженным и не имел никакого веса, словно жидковатое вино. А ещё у них должно было быть телосложение как у медведей, чтобы тащить вырезанные в долине камни и складывать их один поверх другого без раствора, аккуратно и вплотную друг к другу.

Пять башен были построены позже. Предположительно, чтобы получить лучший вид на пустое небо. Короли приходили и уходили. Один из них окружил замок стеной, словно добавил корону для лысины, другой — кухню, чтобы накормить сотни людей. Банкетный зал, трапезная, Зал славы (или Зал ужасов, как называла его Симоль из-за ужасных портретов прошлых монархов во всём их зловещем величии). Она знала, что король-архимаг построил стойла для драконов. Это было столетия назад, в какой-то момент времени, когда грань между легендами и историей размылась.

Как символ человеческих решимости и упорства, замок был великолепным памятником. Но как дом, он был далеко не уютен.

Она услышала, как позади неё открылись большие железные двери, но солнце падало на её лицо, и она не хотела поворачивать голову. Она уже знала, кто это. Как она не могла знать? Она закрыла глаза, чтобы её веки не упустили то малое количество тепла, которое она могла получить.

— Почему ты не учишься? — спросил её отец. В его голосе была суровая властность.

— Мне скучно учиться, — ответила Симоль. — Я уже знаю гораздо больше, чем любая девочка моего возраста. И гораздо меньше.

— Великий маг определяется не по тому, какими знаниями он владеет. Знание слабостей твоих противников — оружие более сильное, чем самое мощное из заклинаний. Это искусство: знать, что делать и когда это делать. Остальное — ничто, бессмысленный ритуал и создающая тайну суеверная тарабарщина.

Симоль издала долгий вздох.

— Ты больше не ребёнок, Симоль, — упрекнул её отец. — Тебе почти тринадцать. Во многих странах девушек этого возраста считают женщиной, готовой выйти замуж и стать матерью ребёнку.

— Звучит неплохо, — сказала Симоль, — но у меня так мало изящества и ума, кто меня возьмёт?

— Любой, кому я прикажу, — ответил отец.

Она открыла глаза и, наконец, повернула голову к своему отцу, архимагу.

— Это твоя романтическая сторона убедила мать выйти за тебя?

— Твоя мать сделала то, что ей сказали, и ты сделаешь то же. От этого зависит судьба мира.

Его речи, когда те становились напыщенными и чрезмерно драматичными, никогда не производили на неё впечатление. Он говорил подобным образом часто и без аргументов.

— Да, я знаю. «Она идёт». Что бы это ни значило.

— Тебе нужно только делать то, чему я тебя обучил. Остальное…

— Остальное — большой секрет. Ш-ш-ш, даже у стен могут быть уши.

Большие округлые плечи Архимага поникли.

— Если я держу что-то от тебя в секрете, то только ради твоей собственной безопасности.

— Спасибо за повязку на глаза, чтобы они оставались красивыми и в сохранности.

Архимаг покачал головой.

— Я понимаю, что ты сейчас в сложном возрасте, и я должен быть более чувствительным к твоему настроению, но, к сожалению, у нас нет времени. Ты была сделана для определённой цели, и ты будешь ей служить. Но тебе нужно стать лучше, чем ты есть сейчас. Мне нужен меч, а ты по-прежнему молоток. Не каждая проблема —гвоздь. — Он приподнял бровь, ожидая её признания.

Нелепые аналоги ей не понравились, и она закатила глаза.

— После, если мы оба выживем, я куплю тебе пони.

Она нахмурилась от его сарказма, который она презирала даже больше, чем его аналоги.

— А пони сможет прыгать по этим крутым вершинам?

— Я удостоверюсь, чтобы этот пони был горным. А теперь, пожалуйста, вернись к учёбе. Заклинания ловушек сами себя не сплетут. — Он развернулся и вышел из комнаты, его большие, тёплые одежды хлопали о него.

Солнце двигалось, как оно всегда делало. Оно будет в библиотеке, в которой было нечего делать. Она прочитала все книги и запомнила свои любимые, что было не сложно, так как их было всего две.

Она встала со стула и села обратно, когда поняла, что за столом сидит кто-то ещё: красивая молодая женщина с бледной кожей и золотистыми волосами.

— Почему ты здесь? — спросила она демона во второй раз.

— Я хотел увидеть твой дом. И опекуна. Он производит впечатление.

Симоль пожала плечами.

— Ты знаешь, кого он имеет в виду, когда говорит: «Она идёт»?

— Конечно. Все-Мать, Тёмная Королева, Теневая Хозяйка. У неё много имён.

— И она придёт? Скоро?

— Несомненно. Чтобы вернуть то, что принадлежит нам.

Симоль кивнула, начиная понимать.

— Он всегда относился ко мне как к инструменту. К чему-то, что будет использовать.

— Нет ничего постыдного в том, чтобы быть орудием великого мастера. О тебе будут хорошо заботиться.

Симоль не могла не улыбнуться.

— Какая досада, что вы с ним не встретились. Ты из тех женщин, которые его привлекает. Глупая.

Демон опустил своё прекрасное лицо и впился взглядом через свои длинные ресницы. Симоль встретила испытующий взгляд. В нём не было ничего агрессивного, просто откровенный и серьёзный осмотр.

— Эта молодая итерация тебя ещё более грубая.

— Да, — сказала Симоль. — Должно быть, я с возрастом смягчилась.

— Тебя учили ненавидеть нас, смотреть на нас с презрением, что мы родом из мира без света, любви и радости. Но свет освещает всё, даже тени. Без него мы не можем существовать. Вы называете тот мир «Иным Местом» и «Демоническим Измерением», но мы называем его Содружеством, где власть разделяется. Мужчины лгут, обманывают и мошенничают. Они живут в путанице зависти и страданий, мелких амбиций и пустых страстей. Магия сопротивляется неправде. Они не могут сосуществовать. — Его голос был полон горечи и печали. — Они взяли оригинальную Книгу Истины и сожгли её. Они решили не давать силу бессильным, чтобы обезопасить себя, сохранить свою гегемонию нетронутой. Они вернут то, что взяли. И зачем оно тебе нужно?

— Мой отец многому научил меня, и «остерегаться слов демона» в этом списке было выше всего остального.

— Но подумай как следует, дитя: всё, чему он учил тебя, сводится к тому, чтобы ты следовала зову своего сердца.

Симоль почувствовала, как заклинание надавило на неё, из-за чего стало трудно думать, будто её мысли были втиснуты в место, слишком малое для того, что удержать их всех. Сила была огромной, но точки применения были беспорядочны. Её отец никогда не поощрял её следовать зову своего сердца. Это было такое возмутительное внушение, что она почти рассмеялась.

Могучая ложь может изменить мир, если только не будет раскрыта.

Привлекательная женщина сидела напротив неё по другую сторону длинного стола, за которым Симоль просидела многие детские годы. В Пагоде демон сидел в большом кресле на другой стороне маленькой комнаты. Симоль видела их обоих.

А рядом с демоном стоял Теннер. Вокруг него переплетались нити арканума, тонкие и иллюзорные. Торчащие из его рукава, выглядывающие из воротника, переплетённые в волосах. На первый взгляд он выглядел как обычный учтивый он, но на самом деле был марионеткой на ниточках.

Она не могла двигаться. Тяжёлые верёвки из арканума, лишённые всякой тонкости, образовали запутанный лабиринт липких линий противодействия и отталкивания вокруг неё. Они толкали и тянули её, не давая ей свободы. Но выбраться из этого узла можно было, если она повернётся вот так, а затем в другую сторону, и разделит верёвки руками.

Демон безучастно смотрел в другой мир. На этот раз Симоль не просто протянула свои чувства, она сама ворвалась внутрь. Она была не из тех слабых зондирующих магов, которые обучались в Королевском колледже. Её отец показал ей путь к душе демона. Демоны прятались глубоко внутри, за кожей и плотью, в костном мозгу.

Сопротивления не было, её приветствовали и окутали теплом и любовью. Она ласкала её и накручивалась вокруг неё. Симоль знала, что допустила ошибку. Ей позволили выбраться из одной ловушки и попасть в другую, которая теперь держала её в нерушимых тюремных решётках.

Теперь борьба началась всерьёз.

— Ты не будешь сражаться со мной, дитя, — сказал демон со всех сторон. — Ты счастлива здесь, со мной.

Она почувствовала, как внутри расцветает счастье. Комфорт принадлежности, как тёплая, успокаивающая ванна, уносящая заботы прочь.

Призыв был незамедлительно отвергнут.

Не было смысла бороться с более сильным противником лоб в лоб. Она много раз боролась с отцом таким образом. Это было нудно и утомительно, поскольку он настаивал, чтобы она пыталась вырваться из его оков, хотя его сила намного превосходила её. А у демона силы было ещё больше.

Но люди научились одолевать более сильных врагов. Огромные звери с ужасными когтями и клыками, на фоне которых руки и зубы людей выглядели ничтожными и бессмысленными, всё

равно были побеждены с помощью оружия. И с помощью инструментов.

— Ты станешь моей дверью, — сказал демон. — Ты станешь моими вратами.

— Нет, — сказала Симоль. — Ты будешь моими.

Она потянулась кончиками пальцев, но на этот раз она не попыталась убежать и не пыталась контролировать то, что ограничивало её. Её хватка была направлена на то, что уже было схвачено.

Она пустила свои чувства бежать по краям её клетки и вдоль прутьев решётки. Она укрепила свою собственную тюрьму, усилила своё присутствие, а затем добилась большей защиты, чтобы сделать своё заключение более безопасным.

— Хорошо, — сказал демон. — Добро пожаловать. Здесь твоё место.

Тепло внутри её росло. Внутри её самодельного кокона усилился жар. Она проигнорировала его и продолжила собирать материалы, пока не нашла нить, которую искала. Ту нить, что вела к Теннеру.

Она намотала её. Сопротивления не было. Каким бы ни был этот процесс, Симоль ускорила его, и он стоил того, чтобы отказаться от ненужного багажа. Нити арканума отцепились от Теннера, когда она окружала себя ими.

Теннер, стоящий с болью на лице и испуганными глазами, огляделся вокруг, как будто только что проснулся от страшного сна и понятия не имел, где он. Он закрыл глаза, словно надеялся, что окажется в каком-нибудь другом месте, когда снова откроет их. Он стоял там, съёжившись и страдая. Он украдкой вдохнул, словно этим вдохом украл воздух и надеялся, что его не поймают.

— Что я наделал? — прошептал он. — Что я наделал?

Симоль коснулась его освобождённого ума и обнаружила дрожащую путаницу.

— Помоги мне, — сказала она в эту путаницу.

— Я не знаю, как, — ответил он, его мысли дрожали. — Она слишком сильна, а я слишком слаб. Дурак, я был дураком. Я не могу победить её.

— Нет, но я могу. Будь моим молотом. Исправь то, что ты сделал. Я здесь в ловушке.

— Я… я не могу освободить тебя.

— Я не этого от тебя хочу. Мне нужно, чтобы ты оставил меня здесь.

— Да. Да. Понимаю. — Его мысли стали спокойнее. — Я сделаю всё, что смогу.

— Это будет опасно. Ты не должен отступать или отклоняться от задания.

— Я не против небольшой опасности. — Какая-то часть его живости и насмешливой манеры речи вернулись. — Немного опасности полезно для души.

Сущность Симоль была наполнена раскалённой добела яркостью. Ей казалось, что она может взорваться.

— Видишь, насколько проще, когда ты помогаешь, а не мешаешь? — сказал демон, обрадованный неожиданным прогрессом. — Теперь стань моей дверью.

Симоль была освобождена и вытолкнута. По крайней мере, была сделана попытка это сделать. Симоль ухватилась и отказалась выходить. Толчок стал более настойчивым. Он был сильнее того, которому Симоль могла противостоять ему в одиночку.

— Что? — воскликнул демон. — Что ты делаешь, волшебник?

Теннер, маниакальный и лишённый своего обычного учтивого вида, дико наматывал полосы чёрной ткани вокруг тела демона, словно бинтами. Они прижали конечности к его бокам и ограничили движения. Теннер работал быстро, дёргая, разглаживая и натягивая сильнее, умело связывая демона с головы до ног, и наполовину нечленораздельное пение стало почти неразборчивым.

— Стой! Это не твоё желание, а её.

Он дрогнул, но продолжил ещё быстрее.

— Сосредоточьтесь на портале, Старая Мать. Это ваш единственный шанс.

Симоль почувствовала борьбу внутри демона: атаковать Теннера и тем самым дать Симоль свободу действий либо бороться с Симоль и позволить Теннеру связать её.

Нерешительность сделала выбор за неё.

Симоль сжала кокон вокруг себя и свернулась в клубок вокруг позвоночника демона. Внешний

мир был методично заблокирован, пока они обе не оказались в ловушке.

— Ты преуспела, дитя дракона. — Голос демона звучал так, будто он смирился с судьбой, но тем не менее был довольным. — Я не думал, что ты можешь быть такой дерзкой.

— Для этого я и была создана, — сказала Симоль, и впервые она не возмущалась бесконечными поучениями и лекциями её отца. У обладания целью была награда. Ощущение победы было опьяняющим.

— Это неважно, — сказал демон. — Хотел бы я увидеть это, но дверь откроется, и она придёт. Это всегда было моей целью. Моя задача выполнена.

Симоль взорвалась в ливне искр. Она растянулась и расширилась, вылетела из тела демона, из сооружения вокруг неё, и полетела вверх, в ночь.

Она была напугана. Она ожидала вовсе не этого. Быстрая смерть и больше ничего за ней было предпочтительнее этого. Стены тряслись, и двери по всей Пагоде распахнулись, не в силах сдержать давление внутри.

Без якоря ей не за что было удержаться. Предполагалось, что её отец будет здесь, будет точкой, за которую она зацепится, но он был слишком далеко, в тюрьме, в которую она его отправила.

С высоты над школой она видела, как тёмные здания зажигались один за другим, пока Пагода трещала синими разрядами арканума. Она видела их в библиотеке: Ника, Даво и Фанни. И девушку. Она позвала его, мальчика с ужасным вкусом на женщин, потянулась к нему, но держаться было не за что. Он был самым обычным мальчиком. Не магом, не демоном, а застенчивым книжным червём.

Она исчезала, теряя связь с этим миром, с собой.

Что-то поймало её, дёрнуло её назад. Она не знала, что это такое, не видела его. Она упала обратно через стены Пагоды, в комнату, где её тело сидело на кресле, раскинув конечности в стороны. Туда, где Теннер сжимал её руку в своих руках, его желание защитить её боролось с желанием убежать. И туда, где её ждала до невозможного чёрная тень.

Тень схватила её и потянула назад. Не спасти её, а поглотить. Девушка чувствовала голод тени, желание быть целой, но также она чувствовала её замешательство. Её тело было неподвижным и пустым, а её дух парил над ним. Если она снова войдёт в своё тело, её тень, её близнец сожрёт её.

Теннер выглядел очарованным и испуганным.

— Прости, — сказал он, зная, что она в комнате. — Я не этого хотел. Тень должна насытиться. Мне очень жаль, Симоль.

— Правда? — спросила Симоль.

Теннер огляделся, словно мог заметить, как она прячется в углу, тогда как она была прямо перед ним.

— Воистину, да. Всё это произошло из-за моего высокомерия. Это моя ошибка, но расплачиваться за неё придётся тебе.

Он казался искренне раскаивающимся, и потому Симоль было легче сделать то, что ей нужно было сделать.

Она схватила остатки одной из цепей, которые использовались, чтобы поработить его, чтобы убедить его, что его воля была его собственной, когда это было не так, и она натягивала её.

Он шагнул вперёд.

— Что ты делаешь? — воскликнул он.

— Помогаю тебе исправить ситуацию. — Она бросила его в тень.

Невозможно вырасти в гигантском замке с ужасным поваром в виде её отца и при этом быть привередой в еде. Если контуры тени были такими же, как и у неё, то почему бы и остальным склонностям не быть такими же?

Тень упала на Теннера и съела его. Не было крови или кишок, он был поглощён и переварен. Его лицо, искажённое в последнем молчаливом крике, появилось на задней части головы тени.

Тень перестала двигаться и снова стала обычной тенью, силуэтом на стене. Чернота её формы сменилась на свет. Яркий, жгучий солнечный свет. И траву, и небо. Вратами в другое место.

Она, Все-Мать, пройдёт через них. Симоль поняла, какие бедствия это принесёт миру. Это было основой всего её образования.

Что скажет её отец, когда узнает, что она умерла? Что он мог сказать? Ради этой задачи он её и создал. Если она плохо выполнит свою работу, то только плохой мастер будет винить свои инструменты.

На другой стороне было движение. Сначала она почувствовала его, а потом и увидела. Что-то

двигалось, прямо сейчас, разбегаясь. Тёмное пятно в солнечном свете. Солнце слепило её, не давая ей ясно видеть, но она морально приготовилась встретиться с тем, что должно прийти из демонического измерения.

Оно прыгнуло через врата и приземлилось на пол с шлепком. Собака.

Не адская гончая и не зверь из преисподней. Мопс. Магическое существо с желтовато-коричневым и белым мехом. Он сидел там, задние лапы были широко раскинуты под ним, с гордостью демонстрируя свои яйца. Он смотрел на неё большими карими глазами, высунув язык и тяжело дыша, а затем встал и развернулся. Он оглянулся на неё, а потом прыгнул во врата.

Он хотел, чтобы она пошла за ним. Это мог быть трюк. Разумеется, демоны были достаточно хитрыми, но могли ли они использовать такую уродливую псину ради своих грязных дел?

Это было то, чему отец учил её всю её жизнь. Он планировал предотвратить происходящее сейчас, предотвратить уход магии из этого мира, потерю магов. Он считал, что их жертва необходима, а она уклонялась от того, чтобы быть его мечом. Она не испытывала никакой особой привязанности к демонам, даже совсем наоборот, но она отказалась быть орудием смерти в руках отца, независимо от того, насколько необходимо зло.

Теперь дверь была открыта. Она придёт, кем бы она ни была. Почему бы не пойти к ней первой?

Дверь, распахнувшись, ударилась о стену, и в комнату ворвался Ник. Она звала его, и он пришёл, не зная, что найдёт, с какой опасностью столкнётся. Глупый мальчик.

Он не видел ни её, ни врата. Она могла дать о себе знать, но в его отчаянии, когда он нашёл её поникшее, безжизненное тело, было что-то, что она нашла парадоксально приятным.

За ним были остальные. Он пришёл за ней, и они пришли за ним.

Она ошибалась в нём: он не был обычным. Но он не был готов. Возможно, через десятилетие-другое он станет великим человеком, клерком или счастливым мужем и отцом. А возможно, всем сразу. Она посмотрела на девушку и понадеялась, что его вкус улучшится. В любом случае, не было причин втягивать его в её беды. Здесь ему будет безопаснее. И будет легче защитить его.

Симоль снова обратила внимание на дверь. Врата были такой же формы, как и она. Совершенно такой же. Какое приглашение может быть лучше? Врата были созданы, чтобы она прошла через них. Это Симоль и сделала.